

Чеджемов С.Р., Габалаев Г.В.

ПРОЕКТЫ ВЫХОДА ИЗ СМУТЫ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1917–1920 гг.

Аннотация. В статье анализируются проекты выхода из смуты в Северной Осетии в 1917–1920 гг. Актуальность данной работы объясняется востребованностью объективного анализа исторического прошлого народов нашей страны, ныне подвергающейся беспрецедентным социально-экономическим нападкам, в том числе и в вопросах ее истории. Необходимость идеологического противодействия стремлению фальсификации отечественной истории делает актуальными вопросы ретроспективного анализа государственно-правовых явлений времен перехода от монархических устоев к республиканскому строю.

В эти годы современная Северная Осетия была частью Терской области, Южная Осетия в составе Тифлисской губернии. Обе входили в состав Российской империи. После отречения от престола Николая II в феврале 1917 г. последовали годы политической смуты как в центре, так и в регионах. На национальных окраинах страны возникло стремление определенных сил найти выход из состояния политической нестабильности и сформировать собственную модель государственного устройства.

Целью работы является анализ общественно-политического состояния общества в вышеуказанный промежуток времени. Это определило как авторское вовлечение и интерпретацию ранее не исследованных либо поверхностно исследованных источников и литературы по теме исследования, так и попытку сделать на их основе выводы и обобщения явлений периода Революции и Гражданской войны.

Авторы полагают, что в современных условиях необходимо уточнение ранее сделанных выводов о событиях 1917–1920 гг. на Северном Кавказе. С целью объективного анализа прошлого необходимо качественно новое прочтение многих мероприятий, таких как создание различных программ административного районирования и кодификации законодательства, его полного перевода из устного состояния в письменное. Уникальный по своей сути процесс правовой аккультурации населения Северного Кавказа после его вхождения в Российскую империю явился основой того, что народы этого края в условиях революционной смуты 1917–1920 гг. сумели разработать пути выхода из нее путем создания специальных государственных образований в составе страны. В этом большую роль сыграла советская администрация, в которой помимо местных кадров были представители различных национальностей страны. Продуктивным оказался лишь проект советских социалистических преобразований в составе России, а затем и СССР. Этому процессу во многом способствовала как имперская политика правовой аккультурации нерусских народов, так и политика советской культурной революции.

Ключевые слова: Россия; СССР; Северный Кавказ; Северная Осетия; осетины; казачество; советская власть; правовая аккультурация; Союз горцев Кавказа.

Чеджемов Сергей Русланович – кандидат исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук, профессор кафедры истории России; Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, профессор кафедры российской истории.

Россия, Владикавказ.

E-mail: srchedgemov@mail.ru.

Габалаев Георгий Владимирович – аспирант кафедры истории России, Государственный академический университет гуманитарных наук.

Россия, Москва.

E-mail: georgy.gabalaev@yandex.ru.

Chedzhemov S.R., Gabalaev G.V.

Projects for overcoming the time of troubles in North Ossetia in 1917–1920

***Abstract.** The progressive development of Russia as a great power is deeply rooted in its ability to conduct domestic policy while accounting for the historical and legal heritage of its diverse peoples. This article examines projects aimed at overcoming political turmoil in North Ossetia during the period of 1917–1920. The relevance of this study is determined by the growing need for an objective analysis of the historical past of Russia's peoples – an area currently subjected to unprecedented socio-economic and ideological pressures, including efforts to distort its history. The necessity for ideological resistance to historical falsification underscores the importance of a retrospective analysis of state and legal transformations during the transition from monarchical rule to a republican system.*

During the specified period, what is now modern North Ossetia was part of the Terek region, while South Ossetia belonged to the Tiflis province. Both territories were integral parts of the Russian Empire. Following the abdication of Nicholas II in February 1917, the empire entered a period of political upheaval, affecting both the central government and the regions. On the empire's periphery, various forces emerged, seeking solutions to political instability and attempting to form their own models of governance.

The purpose of this study is to analyze the socio-political state of society in North Ossetia during this transformative period. This objective necessitated the author's engagement with previously unexplored or superficially studied sources and literature on the subject, as well as an attempt to draw conclusions and generalizations regarding the phenomena observed during the revolutionary events and the Civil War.

The authors assert that contemporary circumstances require a reevaluation of prior conclusions about the events of 1917–1920 in the North Caucasus. An objective analysis of the past demands a qualitatively new interpretation of many historical facts. These events were formalized through various programs of administrative zoning and

the codification of regional legislation, culminating in the transition from oral to written legal practices. The process of legal acculturation initiated after the incorporation of these regions into the Russian Empire – unique in its nature – enabled the peoples of the North Caucasus to develop distinct pathways toward statehood during the revolutionary turbulence of 1917–1920.

The Soviet administration played a crucial role in this transformation, incorporating not only local leaders but also representatives of various nationalities from across the country. Among the various state-building projects, only the Soviet model of socialist transformation within the Russian Federation – and later the USSR – proved sustainable. This success was largely facilitated by the imperial policy of legal acculturation of non-Russian peoples, as well as the Soviet cultural revolution's policies.

Keywords: *Russia; USSR; North Caucasus; North Ossetia; Ossetians; Cossacks; Soviet power; legal acculturation; Union of Mountain Peoples of the Caucasus.*

Chedzhemov Sergey Ruslanovich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of Russia of State Academic University for the Humanities; North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, professor of the Department of Russian History. Russia, Vladikavkaz.

ORCID: 0000-0003-2260-3016.

E-mail: srchedgemov@mail.ru.

Gabalaev Georgy Vladimirovich – postgraduate student of the Department of Russian History of State Academic University for the Humanities. Russia, Moscow.

E-mail: georgy.gabolaev@yandex.ru

Введение

Поступательное развитие России, как великой державы, обусловлено проведением внутренней политики с учетом историко-правового наследия ее народов. Глобальные вызовы современности вызвали решительные действия России на международной арене, целью которых является защита своего суверенитета и территориальной целостности, а также права народов бывшего СССР на мирную жизнь и безопасность. Актуальность данной работы объясняется востребованностью объективного анализа исторического прошлого народов нашей страны, необходимостью противодействия фальсификации отечественной истории, что делает актуальным вопрос ретроспективного анализа государственно-правовых явлений времен перехода от монархических устоев к республиканскому строю.

Обзор источников и литературы

Вопросы социально-политической истории народов юга современной России, в частности осетин, представлены в некоторых архивных хранилищах: Государственный архив Российской Федерации. Фонд департамента полиции д. 725, ч. 79, лл. 68–69. «Донесение начальника Терского областного жандармского управления»; Российский государственный исторический архив. Фонд 63 («Кавказское областное правление»); фонд 79 («Общее управление Кавказской области»); фонд 444 («Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области»); Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания – Алания: Ф. 233 («Комитет по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа»), Ф. 254 («Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев левого крыла Кавказской линии»), Ф. 256. («Комиссия по правам личным поземельным всех туземцев Терской области»).

Эти источники в советское уже вводились в научный оборот, в то же время они содержат сведения не только идеологической направленности и сегодня необходимо их беспристрастное прочтение вне рамок коммунистического мировоззрения.

В монографической литературе также представлены суждения по некоторым, смежным с проблемой нашего исследования вопросам. Так, отмечается, что и в формате Российской империи предлагалась идея объединения в виде некой федерации – В.Г. Гаджиев [Гаджиев 1965, с. 392], Н.С. Киняпина, М.М. Блиев, В.В. Дегоев [Киняпина, Блиев, Дегоев 1984, с. 320]. Ее образующим принципом указывалась идея союзничества, которая несколько варьировалась во временах в соответствии с международными условиями, в которых правительство страны разрабатывало как внутреннюю, так и внешнюю политику.

Некоторые аспекты российских проектов модернизации и их последствия для народов Кавказа, и осетин в частности, в том числе в период революционных событий и советского национально-государственного строительства, становились предметом исследований Ю.И. Кониева [Кониев 1969, с. 82–86]; Ю.Ю. Клычникова [Клычников 2017, с. 73–77], А.А. Магометова и В.Д. Дзидзоева [Магометов, Дзидзоев 1999, с. 6–27] и некоторых других.

Важные политические особенности попыток создания своей государственности у народов Северного Кавказа в послеимперскую эпоху удалось выявить профессору Р. Г. Гагкуеву [Гагкуев 2019, с. 196–210]. Монографическая попытка охарактеризовать государственность горских народов Северного Кавказа в этот же период принадлежит А.Х. Даудову и А.Х. Месхидзе [Даудов, Месхидзе 2009, с. 224], а тенденции национального сепаратизма в ходе строительства самостоятельных государств анализируются А.Г. Кажаровым [Кажаров 2018, с. 28–38].

Вместе с тем до сих пор отсутствует монографическое исследование, объектом которого стали бы государственно-правовые проекты выхода из смуты в Северной Осетии в 1917–1920 гг. Это обстоятельство определило проблему нашего исследования.

Основная часть

В дореволюционной России ее южные окраины представляли собой регион густонаселенный, где проживали представители почти всех наций и народностей государства. На Северном Кавказе проживали те народы, которые ныне представляют субъекты РФ в виде республик. В те времена они в своей социально-политической организации представляли собой т. н. «вольные общества». Это были современные абхазы, аварцы, адыги, балкарцы, ингуши, кабардинцы, калмыки, карачаевцы, кумыки, лезгины, осетины, чеченцы и некоторые другие. Военная политика, осуществляемая имперским правительством в крае, в целом была направлена на спасение народов от их физического истребления, что хорошо видно на примере вынужденных мер, предпринимаемых Россией в конце XVIII в. [Волхонский 2018, с. 15].

Осетины, а основная их часть проживала в Терской области, существовавшей в 1860–1920-х годах т. е. не только в царское время, но и в годы революционного лихолетья и установления советской власти на юге страны. Некоторая их часть – южные осетины – проживали на южных склонах Большого Кавказского хребта и некоторое время входили в состав Тифлисской губернии. И хотя для них Владикавказ, исходя из административно-территориального деления тех лет, не был административным центром, но Владикавказ был культурным центром единой по своему политическому состоянию, а не по географической расположенности, Осетии, как северной, так и южной, как западной, так и восточной.

Первоначально основанная в 1784 г. крепость именовалась «Владыкавказом», в 1860 г., получила статус города. Помимо того, что на территории Терской области проживали горцы Кавказа, здесь проживали казаки – представители Терского и Кубанского казачьего войска, а также в Терскую область на протяжении всего XIX в. определялись на жительство ссыльные поселенцы.

В то время в сфере административного устройства России не было четкого территориального районирования, так же, как и единого законодательства в этой области. В 1859 г. для всех северо-кавказских народов российской администрацией была учреждена новая форма территориального устройства и управления – Терская область. Она включала шесть округов, их названия в алфавитном порядке: Аргунский, Владикавказский, Кабардинский, Ичкерийский, Кумыкский и Чеченский. В 1862 г., Терская область, оставаясь административной единицей России, была разделена на три военных отдела –

Восточный, Западный и Средний. В это же время продолжается процесс преобразования крепостей в города. Например, Пятигорск стал городом еще раньше, в 1830 г., когда образовался на месте так называемой Константиногорской крепости, в 1871 г. стал городом Нальчик и т. д. (ЦГАРСОА, л. 32).

Как справедливо отмечается в ряде исследований, «завершение к середине XIX столетия военно-политического противостояния на Северном Кавказе ознаменовало собой постепенный выход региона из того кризиса, который имел место в прошедшие десятилетия» [Клычников 2017, с. 73–77; Торкунов, Дегоев 2024, с. 524]. Терская область обрела своё «внутренне законодательство» в 1862 г., когда было утверждено Положение об управлении областью. К этому времени в ее состав входило восемь округов – Аргунский, Ингушский, Ичкерийский, Кабардинский, Кумыкский, Нагорный, Осетинский, Чеченский. Мы также перечисляем их не в хронологическом порядке по мере их учреждения, а в алфавитном. И это положение дел оставалось вплоть до революционных событий начала XX в.

В результате Февральской революции 1917 г. Россия «де-факто» перестала быть империей как союз земель и народов под властью императора и, к этому времени, «монархия утрачивает свои символы и сам акт отречения напоминает самоубийство государственности» [Исаев 2017, с. 29].

1 сентября 1917 г. Временное правительство бывшей Российской империи устанавливает в стране республиканскую форму правления, однако вопрос об административно-территориальном принципе построения государства решен не был. В программных документах общественных движений в то время высказывается идея об иной, чем при монархическом режиме форме государственного устройства – федерации, конфедерации и т. п. Вместе с тем наименования большинства областей страны оставались прежними.

Временное правительство провело кадровые перестановки в руководстве края. Начальник Терской области генерал С. Н. Флейшер был смещен и арестован. На эту должность был назначен полковник В. А. Михайлов. Были также смещены со своих постов все начальники округов. На вакантные места были назначены на правах комиссаров Временного правительства: «Хасавюртовского – князь Р. З. Капланов, Владикавказского – меньшевик-интернационалист С. А. Такоев, Назрановского – В. Г. Джабагиев, Нальчикского – дворянин А. А. Чижигов, Веденского – полковник А. В. Адуев и Грозненского – А. М. Мутушев» [Победа советов 1983, с. 34].

Однако эти мероприятия не упорядочили общественную жизнь в крае. На Северном Кавказе (в те годы Терской области) сложилась обстановка политического и правового хаоса. Временное правительство делегировало на Северный Кавказ своего специального комиссара, бывшего члена Государственной думы IV созыва и наказного атамана Терского казачьего войска М. А. Караулова, в те годы примкнувшего к партии кадетов. 5 марта 1917 г. он

прибыл в бывшую Терскую область и попытался организовать Войсковое правительство Терского казачьего войска, которое фактически должно было стать формой государственной власти в регионе и объединить власть Временного правительства и казачьего самоуправления.

Это обстоятельство вызвало решительный протест как Союза горцев Кавказа, так и совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Последний попытался привлечь казаков на свою сторону и, исходя из этого, учитывая специфику региона, в названии совета слово «крестьянских» было заменено на «казачьих».

В то же время активно действующий в крае Союз горцев Кавказа несколько отошел от ранее обозначенной исламской направленности своей деятельности и стал претендовать на право консолидировать власть всех жителей края различных национальностей и вероисповеданий, в том числе и казаков. 18–20 мая 1917 г. был избран состав исполкома этого органа власти. Его председателем стал крупный кабардинский фабрикант и хозяин ряда конеферм, известный юрист П.Т. Коцев. Заместителями председателя исполкома областного гражданского исполнительного комитета были избраны князь Т.К. Алхазов, уже упоминающийся М.А. Караулов и представитель партии правых эсеров, известный на Кавказе общественный деятель В.В. Ольшанский.

Тем временем мусульманская интеллигенция региона попыталась организовать свой орган власти. Союз объединенных горцев становится сугубо мусульманской формой организации государственной власти во главе с центральным временным комитетом, в состав которого вошли представители чеченского, ингушского и кумыкского народов Тапа Чермоев, Рашидхан Капланов, Васангирей Джабагиев и некоторые другие. Главным муфтием – руководителем духовного управления мусульман Северного Кавказа был избран известный мусульманский богослов Нажмуддин Гоцинский.

В отличие от других подобных органов власти, Союз горцев Кавказа уже после Октябрьской революции 1917 г. стал рассматриваться его руководством в качестве фигуранта внешней политики, были сделаны попытки добиться признания Лигой Наций, хотя никакой реальной государственностью Союз не обладал, а наличие конституции и иных атрибутов государственной власти носило чисто бутафорский характер.

II съезд народов Терека, состоявшийся в феврале-марте 1918 г., провозгласил бывшую Терскую область Российской империи Терской Советской Республикой в составе РСФСР. Это событие ряд ученых считают началом национально-государственного строительства на Северном Кавказе [Кониев 1969, с. 86; Магометов, Дзидзоев 1999, с. 6–27; Коренев 1977, с. 230].

В то же время необходимо отметить, что в Южной Осетии, по данным профессора В.И. Маргиева, в «1918 г. был разработан проект Конституции Юго-Осетинского кантона» [Маргиев 1997, с. 207]. Однако сделать это не удалось,

поскольку меньшевистское правительство Ноя Жордания всячески препятствовало национально-государственному строительству у народов, проживающих на территории ставшей независимой Грузии, в частности осетин. Лишь Россия с пониманием относилась и даже способствовала развитию государственно-правовых отношений у этих народов.

7 июля 1918 г. на I съезде Советов Северного Кавказа Кубано-Черноморская, Ставропольская и Терская республики были объединены в единую Северо-Кавказскую Советскую Республику в составе РСФСР. Она просуществовала до декабря 1918 г., когда представители так называемого Белого движения, захватив большую часть ее территории, отменили её существование. Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила основу союза свободных наций как «федерации советских национальных республик» [Конституция 1918, с. 5], а Северная Осетия была провозглашена автономной областью в составе РСФСР. Конституция Российской Федерации провозгласила федерализм, как основополагающий принцип государственного устройства.

Первая советская Конституция России была принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Специальная, 8 статья ее сообщала о намерениях новой власти, что она: «стремясь создать действительно свободный и добровольный, а, следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, <...> ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях» [там же, с. 7].

После изгнания белогвардейцев в крае вновь возобладали идеи советской власти и в 1920 г. была создана Горская АССР в составе РСФСР. В нее вошло шесть административных округов: Балкарский, Ингушский, Кабардинский, Карачаевский, Осетинский, Чеченский. Такие крупные города края, как Владикавказ и Грозный, не вошли в состав Горской АССР.

В этих условиях осетины оказались политически разделёнными на северных и южных, а один из государствообразующих элементов российского государства на его границах – казачество в первые годы советской власти подверглось жесточайшим репрессиям. Этнорегиональный принцип образования частей Российской империи в виде казачьих войск Дона, Кубани, Днепра, Терека и т. д. был предан забвению, равно как и то, что казачество по своему этническому составу не было однородным, наряду с русскими определённую и немалую его часть составляли выходцы из иных народов.

Конституция РСФСР не предусматривала особой формы государственно-го устройства осетинского народа, и государственно-правовая система страны «практически не была изменена вплоть до принятия Конституции СССР

в 1924 году и РСФСР в 1925 году» [Чистяков 2003, с. 24]. Принятие этих основных законов легитимизовало формы национально-государственного устройства народов Северного Кавказа и, в частности, осетинского. Вот почему профессор Р.С. Мулукаев отмечал, что только «благодаря Советской власти народы России получили право на создание своих автономных государственных образований» [Мулукаев 2009, с. 31].

Некоторые представители горских народов Кавказа, как и в целом России – были среди них и осетины – не только противились установлению советской власти, но и сражались против нее в основном оружием, полученным от ее геополитических противников. Во многом это неприятие было стихийным, порождаемым личностными конфликтами, как, например, в случае с Зелымханом Гушмазукаевым (1872–1913), не помышлявшим о судьбе абрека, но ставшим таковым в силу обстоятельств кровомщения [Гатуев 1926, с. 6]. Однако пресечь деятельность Зелымхана удалось силами самих горцев, причем его соплеменников.

Но без скрупулезного и объективного анализа эти факты «увязывались» некоторыми зарубежными и отечественными учеными с идеями национально-освободительной борьбы, несмотря на то что в подавлении «антирусских» выступлений принимали участие и сами представители тех народов, которые вели «антиросийскую» войну, а складывание государственно-правовых отношений в том числе и сугубо «русской» России зачастую сопровождалось мерами принудительного характера. Достаточно вспомнить историю Новгорода и т. д.

Принципы деятельности государства в сфере внутренней политики, т. е. по отношению к людям, как показывает история, являются жёсткими всегда и в любом государстве, поскольку требования общежития, узаконенные государством, вызывают понимание и поддержку далеко не у всех. Не всем дано умение выбрать правильное решение в ситуациях, требующих принятия верных, но зачастую непопулярных мер. Стихийный бунт, бессмысленный и беспощадный – частый ответ на охарактеризованные выше действия. В условиях полиэтнического социума и при щедрой подпитке недружественных стран, он часто трактуется как имеющий «национально-освободительный» характер. Кавказ уже в конце XIX – начале XX в. стал ареной такого международно-правового явления, которое в XXI в. назовут прокси-войной. Это и объясняет желание добиваться ослабления своего противника и действовать по принципу «враг моего врага – мой друг».

Идея вхождения в состав страны у любого народа сопровождается определёнными позитивными ожиданиями экономического и иного свойства. Но не всегда предполагаемое соответствует получаемому на практике. Подобно маятнику народные чаяния зачастую качаются, и это обстоятельство особо ярко проявляется в многонациональном и поликонфессиональном государстве.

В большой геополитической борьбе между любыми государствами, а тем более империями, активно используются такие формы взаимоотношений, как мягкая сила, противостояние, принуждение.

В идеале государство должно соблюдать принципы законности, но, поскольку, государственные мероприятия осуществляются конкретными людьми, то, зачастую, на первый план выходят их личностные интересы. Чисто экономические, подчас сиюминутные выгоды конкретных лиц от продажи оружия, обмундирования и тому подобных вещей тогда, как и сейчас, часто приводили к эскалации напряжённости, а то и развязыванию войн.

В своё время видный российский правовед, профессор О.В. Мартышин, вслед за А.И. Солженицыным, высказал метафорическое суждение о том, что лучше недооценить, чем переоценить влияние Германии на революционный процесс в России [Мартышин 2007, с. 79]. Позволим себе не согласиться с этим. Считаем, что в вопросах обеспечения безопасности государства лучше переоценить предполагаемые действия противника в деле подготовки к их нейтрализации. Мы не утверждаем, что все деятели антироссийских движений родились и воспитывались в стане противников России, но то, что их действия, направленные против нашей страны, а значит и интересов её народов, активно подпитывались из-за рубежа, считаем бесспорным фактом.

Сосланные на Кавказ противники самодержавия стремились облечь стихийные неполитические формы протеста горцев в «революционную» деятельность, как, например, в случае с уже упомянутым абреком Зелимханом, которого во время первой русской революции студенты-анархисты снабжали оружием и обучали кидать бомбы, названные впоследствии гранатами [Гатуев 1926, с. 29].

Подобные, причем не единичные примеры, можно привести и в истории осетинского народа. В конце XIX в. не только в периодической печати, но и на страницах романов появляются образы так называемых благородных абреков. Первым подобным автором был Александр Михайлович Чопикашвили (1848–1893), издававший свои книги под псевдонимом «Казбеги». Родина писателя – город Степанцминда, центр исторической области, населенной в основном грузинами и осетинами. В 1921–2007 гг. в честь писателя этот город именовался Казбеги.

Именно из-под его пера на страницах романа «Отцеубийца» был выведен образ абрека Кобы, взволновавший многих читателей, в том числе и душу молодого революционера Иосифа Виссарионовича Джугашвили, ставшего после победы Октябрьской революции известным всему миру под именем Сталин, но близкие к нему люди называли его партийным псевдонимом Коба.

Видный представитель дореволюционной осетинской интеллигенции А.Т. Цаликов (1882–1928), эмигрировавший после установления советской власти за рубеж отмечал, что «столкновение государственного правосозна-

ния с правосознанием народа, обусловленным известным социально-бытовым укладом, – вот источник тех жизненных драм, которые выкидывают ежегодно известный процент туземного населения за борт легальной жизни» [Цаликов 2002, с. 405].

Здесь также надо иметь в виду, что за помощью Англии и иных стран представителям народов Кавказа в борьбе с Россией стояли вовсе не благодушие и альтруизм, а чёткий учёт собственных интересов. Это наглядно покажет XX век, когда почти все турецкие владения окажутся под британским протекторатом.

Ф.И. Леонтович и М.М. Ковалевский, детально исследовавшие государственно-правовые отношения у кавказских народов, отмечали процесс правовой аккультурации в виде издания так называемых адатов. Российское государство приятием данных адатов узаконивало национальные и религиозные права, в том числе использование норм мусульманского права и языческих верований для народов, их придерживающихся, и это находило своё отражение и в практике осуществления правосудия [Ковалевский 1886; Леонтович, 1882–1883].

Отдельной, причем весьма веской стороной доказательной базы отличия имперской политики России от иных империй служит то обстоятельство, что выходцам из нерусского народа правительством доверялось командование не только своими соплеменниками, но и руководство государственными учреждениями, в том числе армией, полицией и т. д. На примере осетинского народа можно назвать имя русского генерала, осетина мусульманского вероисповедания Муссы Алхастовича Кундухова (1818–1889), бывшего в 1850–1865 гг. начальником Осетинского и Чеченского округов, Гаппо Васильевича Баева (1869–1939), бывшего в 1912–1917 гг. городским головой г. Владикавказа и некоторых других.

Подобные примеры можно найти и в истории других народов Северного Кавказа. И здесь следует оговориться, что местный элемент не только был представлен во властных структурах края, но и в высшем руководстве самой империи, например, командующим Петроградского гарнизона в лихом 1917 г. был осетин, генерал С.С. Хабалов.

Отдельного пристального анализа заслуживает проблема просвещения нерусских народов. Уникальный по своей сути процесс аккультурации осетинского народа после его вхождения в Российскую империю характеризуют высокие показатели уровня образованности у народов Северного Кавказа к 1914 г.: «у балкарцев – 2,3%, народов Дагестана – 10%, кабардинцев – 12,8%, осетин – 33%» [История народов Северного Кавказа 1988, с. 511].

В истории Северного Кавказа есть факты распространения просвещения и на иных языках обучения. На арабском языке обучали при крупных мечетях, однако случаи эти были весьма малочисленны. Еще меньше было случаев обучения на грузинском и армянском языках в национальных школах, действующих при одноименных церквях. Здесь обучение сводилось лишь к овладению алфавитом

и навыками письма, а также обучению русскому языку, на котором, впоследствии, и велось преподавание других предметов, изучаемых в начальной школе. В начале XX в. в Осетии проходили съезды учителей, на которых вырабатывалась концепция осетинской школы. Ведущую роль в них играли представители большевистского направления российской (осетинской) социал-демократии.

Уникальность народа Осетии также проявляется в том, что осетины в условиях революционной смуты 1917–1920 гг. сумели подняться до определённого уровня правовой культуры в виде создания общественной организации – революционной демократической партии «Кермен», названной по имени легендарного осетинского борца с феодальными порядками. В 1918–1919 гг. «Кермен» объединилась с партией большевиков.

Правовые документы были оформлены в виде различных программ административного районирования и кодификации в крае законодательства, его полного перевода из устного состояния в письменное. В этом большую роль сыграла советская администрация, в которой, помимо местных кадров, были представители различных национальностей страны и, в частности, государствообразующий русский народ.

В сравнительно-сопоставительном плане с другими национальностями русские на Кавказе и в имперский, и послеимперский периоды выступали государствообразующим элементом не только для народов, не имевших своей государственности, но и для тех, которых ряд иностранных государств «признавали» независимыми. Притягательный образ Российской империи за ее пределами служил ориентиром для многих народов, например, в британской Индии смотрели на Россию «как на великую освободительницу», что вынужден был отмечать даже сам певец британского колониализма Р. Киплинг [Киплинг 2007, с. 345].

История не знает сослагательного наклонения так же, как и краткосрочный исторический эксперимент. Тем не менее сравнительно-сопоставительный анализ положения народов нетитульных наций в составе империй – Российской, Британской, Османской и других – свидетельствует в пользу отечественного имперского проекта. Это хорошо характеризует факт переселения ряда северокавказских народов, исповедовавших ислам, в единоверную Турцию и их дальнейшая судьба, что, несколько ранее, нами уже анализировалось [Чеджемов 2013, с. 26].

Применительно к проблеме настоящего исследования хотим сделать вывод о том, что факт возвращения из единоверной страны в страну, государственной религией которой являлось православие, однозначно свидетельствует в пользу российских имперских начал. Здесь государство не вторгалось в общественную жизнь там, где это не представляло угрозы для самого государства, а православие, будучи государственной религией, толерантно относилось к исламу и так называемым идолопоклонническим верованиям.

В период революционных событий и Гражданской войны только большевикам удалось представить наиболее приемлемый для народов Северного Кавказа и, в том числе, осетин проект выхода из смуты и создания собственной государственности в составе уже РСФСР. Это демонстрирует доклад И. В. Сталина, в те годы народного комиссара по делам национальностей, на съезде народов Терской области о принципах организации Горской Советской Автономной Республики 17 ноября 1920 г.

Сталин от имени советского правительства говорил: «Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы – цари и угнетатели, царские генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей Конституции России.

У каждого народа, у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков должен быть свой национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних. Я уже не говорю об иногородних, которые были и остаются верными сынами Советской России и за которых Советская власть всегда будет стоять горой. Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат. Советская власть не думает объявлять войну шариату. Если будет доказано, что органы Чека и Особого отдела не умеют применяться к быту и особенностям населения, то ясно, что соответствующие изменения должны быть внесены и в эту область.

Во главе национальных Советов должен быть Совнарком Горской республики, избираемый съездом Советов последней и непосредственно связанный с Москвой. Значит ли это, что горцы будут тем самым отделены от России, что Россия покидает их, что Красная Армия будет уведена в Россию, как спрашивают об этом с тревогой горцы? Нет, не значит. Россия понимает, что предоставленные самим себе малые народности Терека не смогут отстоять свою свободу против мировых хищников и их агентов – горских помещиков, сбежавших в Грузию и интригующих оттуда против трудовых горцев. Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии» [Сталин 1953, с. 399].

В этом заявлении присутствуют определенные идеологические штампы, но в целом обрисована общая картина предстоящих преобразований в крае. Различные проекты выхода из смуты были оформлены в виде программ административного районирования и кодификации законодательства в крае, но только большевикам удалось решить задачу его полного перевода из устного состояния в письменное. В этом большую роль сыграла советская администрации и горская интеллигенция. Основу этой деятельности, помимо местных кадров, составлял государствообразующий русский народ. Этому процессу во многом способствовала система дореволюционного российского просвещения.

Заключение

Народы Северного Кавказа, и осетины в частности, получили возможность избежать участи покорения и ассимиляции за счет вхождению в состав Российской империи, благодаря просветительской политике которой они получили свою письменность на основе кириллицы. Российская имперская политика довольно толерантно относилась и к арабскому языку – языку обучения мусульманских народов, и к армянскому и грузинскому языкам, причём не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе, где грузинский язык до разработки осетинской письменности и издания первой осетинской книги в 1798 г. использовался как язык преподавания. В составе империи шло социально-экономическое и политическое становление осетинской нации.

Правительство последнего российского императора в результате революционной смуты оказалось не в состоянии осуществлять организующую внутреннюю политику, однако народы страны, в частности осетины, в большинстве своём поддерживали идеи российского государственного единства и после установления советской власти рассматривали ее как гарант своих национальных интересов.

Политические силы Северной Осетии в 1917–1920 гг. фактически сформировались четыре центра власти – областной гражданский исполнительный комитет, войсковое казачье правительство, центральный комитет народов Кавказа «Союз объединенных горцев» и совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Эти центры по-разному видели пути выхода из революционной смуты и государственное будущее своего региона. Областной гражданский исполнительный комитет, войсковое казачье правительство и совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в целом ориентировались на политическое единство с центральной Россией. Центральный комитет народов Кавказа «Союз объединенных горцев» выдвигал идею создания государства от Черного до Каспийского морей с исламской формой правления. Жизнеспособным оказался лишь проект советских социалистических преобразований в составе единого государства – Российской Федерации, в осуществлении которого сами осетины принимали деятельное участие.

Библиография

Волхонский М.А. Военная политика Российской империи в Закавказье в 1783–1796 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 9. С. 13–21.

Гагкуев Р.Г. Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии: сб. ст. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. С. 196–210.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 393 с.

Гатуев Д.А. Зелимхан: Из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе. Ростов н/Д; Краснодар: Севкавказ, 1926. 195 с.

Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). СПб.: СПбГУ, 2009. 224 с.

Исаев И.А. После Февраля: поиск политической формы // История государства и права. 2017. № 3. С. 29–33.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) М.: Наука, 1988. 659 с.

Кажаров А.Г. Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917–1919 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 1 (214). С. 28–38.

Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: МГУ, 1984. 328 с.

Киплинг Р. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Терра, 2007. Т. 1. 491 с.

Клычников Ю.Ю. Модернизационный прорыв Северного Кавказа в имперский и советский период: от успеха к катастрофе // Гуманитарные и юридические исследования Северо-Кавказского федерального университета. 2017. № 2. С. 73–77.

Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении: в 2 тт. М.: Типография В. Гатцук, 1886.

Кониев Ю.И. Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе: Ир, 1969. 98 с.

Конституция РСФСР. М.: Изд-во ВЦИК рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, 1918. 31 с.

Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа: в 2 вып. Одесса: тип. П.А. Зеленого, 1882–1883.

Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. У истоков государственности народов Терека // Вопросы политологии, истории и социологии. 1999. Вып. 1. С. 6–27.

Маргиев В.И. История государства и права Осетии. Майкоп: Меоты. 1997. 272 с.

Мартышин О.В. Революция и развитие российской государственности // Государство и право. 2007. № 11. С. 79–82.

Мулукаев Р.С. Избранные труды. М.: Академия управления МВД России, 2009. 561 с.

Победа советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма. Орджоникидзе: Ир, 1983. 208 с.

Торкунов А.В., Дегоев В.В. Русская история. Государство. Цивилизация. Внешний мир. М.: Аспект Пресс, 2024. 687 с.

Сталин И.В. Собрание сочинений. В 13 тт. М.: Госполитиздат, 1953. Т. 4. 488 с.

Цаликов А. Т. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. 560 с.

ЦГАРСОА — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 12. Оп. 1. Д. 845.

Чеджемов С.Р. Политика российского государства и православной церкви в области образования на юге России до 1917 г. (на примере осетинского народа) // Религиоведение. 2013. № 1. С. 36–44.

Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. М.: Зерцало-М, 2003. 215 с.

References

Volkhonskii M.A. Voennaia politika Rossiiskoi imperii v Zakavkaz'e v 1783–1796 gg. [Military policy of the Russian Empire in Transcaucasia in 1783–1796]. Voenno-istoricheskii zhurnal [Military History Journal]. 2018. N 9. P. 13–21. (In Russ.)

Gagkuev R.G. Osobennosti Velikoi rossiiskoi revoliutsii i Grazhdanskoi voiny na Severnom Kavkaze. 1917–1920 gg. [Features of the Great Russian Revolution and Civil War in the North Caucasus. 1917–1920]. Epokha Revoliutsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii. Problemy istorii i istoriografii [The Era of Revolution and Civil War in Russia. Problems of History and Historiography]: collection of articles. St. Petersburg: SPbGETU «LETI», 2019. P. 196–210. (In Russ.)

Gadzhiev V.G. Rol' Rossii v istorii Dagestana [The role of Russia in the history of Dagestan]. Moscow: Nauka, 1965. 393 p. (In Russ.)

Gatuev D.A. Zelimkhan: Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nykh dvizhenii na Severnom Kavkaze [Zelimkhan: From the history of national liberation movements in the North Caucasus]. Rostov on Don; Krasnodar : Sevkavkniga, 1926. 195 p. (In Russ.)

Daudov A. Kh., Meskhidze D. I. Natsional'naia gosudarstvennost' gorskikh narodov Severnogo Kavkaza (1917–1924 gg.) [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917–1924)]. St. Petersburg: SPbGU, 2009. 224 p. (In Russ.)

Isaev I.A. Posle Fevralia: poisk politicheskoi formy [After February: the search for a political form]. Istoriia gosudarstva i prava [History of the state and law]. 2017. N 3. P. 29–33. (In Russ.)

Istoriia narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917)] Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russ.)

Kazharov A.G. Organizatsiia «Soiuz ob"edinennykh gortsev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917–1919 gg.) [Organization «Union of United Highlanders» and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917–1919)]. Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Regionovedenie: filosofii, istoriia, sotsiologii, iurisprudentsiia, politologii, kul'turologiia [Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies.]. 2018. N 1 (214). P. 28–38. (In Russ.)

Kiniapina N.S., Bliev M.M., Degoev V.V. Kavkaz i Sredniaia Aziia vo vneshnei politike Rossii [The Caucasus and Central Asia in Russia's Foreign Policy]. Moscow: MGU, 1984. 328 p. (In Russ.)

Kipling R. Sobranie sochinenii [Collected Works]: 6 vol. Moscow: Terra, 2007. T. 1. 491 p. (In Russ.)

Klychnikov Iu.Iu. Modernizatsionnyi proryv Severnogo Kavkaza v imperskii i sovetskii period: ot uspekha k katastrofe [Modernization Breakthrough of the North Caucasus in the Imperial and Soviet Period: from Success to Disaster]. Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta [Humanitarian and Legal Studies of the North Caucasus Federal University.]. 2017. N 2. P. 73–77. (In Russ.)

Kovalevskii M.M. Sovremennyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii [Modern Custom and Ancient Law. Customary Law of the Ossetians in Historical and Comparative Light]: 2 vol. Moscow: Tipografiia V. Gattsuk, 1886. (In Russ.)

Koniev Iu.I. Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Tereke [National-state construction on the Terek]. Ordzhonikidze: Ir, 1969. 98 p. (In Russ.)

Konstitutsiia RSFSR [Constitution of the RSFSR]. Moscow: Izd-vo VTsIK rabochikh, krest'ianskikh i soldatskikh deputatov, 1918. 31 p. (In Russ.)

Leontovich F.I. Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza [Customs of the Caucasian Highlanders. Materials on the Customary Law of the Northern and Eastern Caucasus]. 2 vol. Odessa: Tip. P.A. Zelenogo, 1882–1883. (In Russ.)

Magometov A.A., Dzidzoev V.D. U istokov gosudarstvennosti narodov Tereka [At the Origins of the Statehood of the Peoples of the Terek]. Voprosy politologii, istorii i sotsiologii [Questions of Political Science, History and Sociology]. 1999. Is. 1. P. 6–27. (In Russ.)

Margiev V.I. Istoriia gosudarstva i prava Osetii [History of the State and Law of Ossetia.]. Maikop: Meoty, 1997. 272 p. (In Russ.)

Martyshin O.V. Revoliutsiia i razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti [Revolution and Development of Russian Statehood]. Gosudarstvo i pravo [State and Law]. 2007. N 11. P. 79–82. (In Russ.)

Mulukaev R.S. Izbrannye Trudy [Selected Works]. Moscow: Akademiia upravleniia MVD Rossii, 2009. 561 p. (In Russ.)

Pobeda sovetov na Tereke – torzhestvo leninskogo internatsionalizma [Victory of the Soviets on the Terek – the Triumph of Leninist Internationalism]. Ordzhonikidze: Ir, 1983. 208 p. (In Russ.)

Torkunov A.V., Degoev V.V. Russkaia istoriia. Gosudarstvo. Tsvivilizatsiia. Vneshnii mir [Russian History. State. Civilization. Outside World]. Moscow: Aspekt Press, 2024. 687 p. (In Russ.)

Stalin I.V. Sobranie sochinenii [Collected Works]: 13 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1953. T. 4. VI, 488 p. (In Russ.)

Tsalikov A. T. Izbrannoe [Selected Works]. Vladikavkaz: Ir, 2002. 560 p.

TsGARSOA – Tsentral’nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaia Osetiia-Alaniia [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania]. F. 12. Inv. 1. C. 845. (In Russ.)

Chedzhemov S.R. Politika rossiiskogo gosudarstva i pravoslavnoi tserkvi v oblasti obrazovaniia na iuge Rossii do 1917 g. (na primere osetinskogo naroda) [The policy of the Russian state and the Orthodox Church in the field of education in the south of Russia before 1917 (on the example of the Ossetian people)]. Religiovedenie [Religious Studies]. 2013. No 1. P. 36–44. (In Russ.)

Chistiakov O. I. Konstitutsiia RSFSR 1918 goda [Constitution of the RSFSR of 1918.]: 2nd ed., revised. Moscow: Zertsalo-M, 2003. 215 p. (In Russ.)